

В субботу утром ты можешь проснуться где угодно, в любом районе города, но, открыв окно и выглянув во двор, ты везде увидишь одну и ту же картину. Из какого-нибудь подъезда выходит мужчина. В одной руке—большая канистра с водой. В другой—большая сумка. Или пакет. А то и сумка, и пакет вместе. Мужчина подходит к машине, открывает багажник, укладывает туда добро. Укладывает-перекладывает. Долго и любовно. Потом открывает двери, копается в салоне. Долго и любовно. Потом выныривает из салона, стоит у машины, курит. Не сводя с машины долгого и любовного взгляда. Потом достаёт из кармана мобильник и орёт на весь двор:

— Ну долго ещё, мать-перемать??? Час уже стою!

Из подъезда выкатывается женщина (с ребёнком—вариант, но вся в пакетах и сумках—это точно). Перепуганной торопливой походкой семени к машине. Они усаживаются. Машина гаснет. На дачу!

Лето! Не уходи...

Почему у нас часто говорят «вдова» и почти не говорят слово «вдовец»? В телепрограммах, к примеру, часто видишь титры на синхронах: «такая-то, вдова актёра», «такая-то, вдова художника». И никогда я не видела подписи «вдовец актрисы».

Снится мне, что у меня в комнате стоит памятник Гоголю! Не знаю, что такое... пара шагов до сумасшествия, наверное...

Бабушка ведёт за руку маленькую девочку, и этот клоп—года два от силы—считает ступеньки. Удивляюсь:

— Ну надо же, считает! Это сколько же вам?

Бабушка смутилась, но ответила:

— Нам шестьдесят восемь...

Любят меня выдающиеся люди. Выдающиеся из общей массы. Бомжи вот. Если встретится бомжик—нипочём мимо не пройдёт. И обратиться норовит ласково так: «Доча...» Чувствуют родную

душу. Попрошайки—все мои. Выгляжу я, знать, весьма respectable и щедрой. Свидетели Иеговы—эти готовы прям бежать за мной, лишь бы спросить имя Бога. Цыганки... Давно их видно не было. А тут внезапно нарисовались на Предместной. Две, горланя между собой, мимо прошли (заметно нехотя), а третья—прямоком ко мне. Настоящая такая, колоритная: большая, толстая зубы золотые, бусы, глазички чёрные, цветная козырька, юбка цветастая же—в пол. Я залюбовалась.— Вай-хай, мэлочи дай,—и всё такое.

Ну на тебе мелочи немножко. Она—р-р-раз!—волос у меня вырвала. Ловко так. Из-под капюшона. Ай!

— А теперь на бумажную денежку этот волос накрути!

Ага, думаю, сейчас я тут купюры начну доставать тебе... Видит, что я засомневалась:

— Я тебе тогда твоё имя скажу!

Спрашиваю:

— А зачем? Я имя своё знаю.

Немного потеряла ко мне интерес, но не сдаётся:— Я тебе и её имя скажу, которая на пути твоём стоит!

— А это мне зачем? Чтоб я пошла её убивать?

Совсем я стала неинтересной, развернулась красавица и пошла от меня. Эх, надо было потянуть, подождать, пока она попросит с банковской картой какие-нибудь манипуляции проделать... Поторопилась я.

Вспомнилось почему-то... Я вообще плохо сплю, а в гостях так и вовсе плохо или никак. Осталась ночевать у подруги раз. Стоит ли меня вообще пускать в гости, да ещё и оставлять на ночь, судите сами. Не спится, естественно. Вышла покурить часа в два ночи. На площадке темновато, стою, курю спиной к мусоропроводу. Вдруг шорох сзади. Я обомлела. Поворачиваюсь—три пацана лет так по двенадцать-четырнадцать за мусоропроводом на корточках. Я их разбудила своим появлением. Говорю:— Парни, у меня чуть сердце не остановилось!

Они:

— Тётьенька, дайте попить...

Вынесла бутылку лимонада. Они со Стеклозавода (не знаю, где это), приехали на праздник

(вроде День города был, не помню уже), почему-то уехать не смогли. Решили переночевать почему-то здесь, на седьмом этаже.

— Пили? — спрашиваю.

— Нет!

Но наверняка пили какую-нить гадость типа пива, вон как в лимонад вцепились. Замёрзли, как цуцики. В футболочках-то. Завела я их в квартиру. Есть в ней комната, именуется «гладильная». Маленькая совсем комнатка, но, правда, с большим полноценным окном. Там что-то вроде кабинетика сделано. Постелила на пол толстое одеяло. Они на него попадали. Говорю:

— Только тихо, у меня очень суровый муж.

Никакого мужа, разумеется, в помине не было, но подруга солидно храпела в своей комнате, сойдёт. Сiju в кухне, читаю, прислушиваюсь: в гладильной всё тихо. Через часок подруга проснулась. Пошла по нужде. Скорей всего, по малой, но увидела мальчишек — думаю, заодно и покакала.

— Таня, кто это? — спрашивает с ужасом.

Отвечаю:

— Иди досыпай, утром расскажу.

В семь утра я их растолкала, показала, где туалет, и отправила восвояси. Интересно, они об этом приключении помнят?

Какая я всё же тёмная. Как те самые три подвала антрацита. Увидела объявление: «Сделаю в подарок мехенди», — и перепугалась. Думаю: «Ну совсем уже куда катимся! Какое-то мехенди делают. Не иначе, как бесстыдство какое...»

«Я люблю этот город. Это мой город. Это очень хороший город!» Я люблю его даже не за то, что я в нём появилась на свет, училась, крестилась, женилась. (Боже мой, неужели это было со мной? Да, со мной. И именно в такой последовательности.) Я его люблю, потому что он прекрасен. Вот сегодня, к примеру, садишься в автобус №5. И — прямо у тебя перед глазами — «Перечень остановок маршрута №80». Очень познавательно. Я раз шесть прочла. Рекомендую.

Мужчины! Я понимаю, что жара страшная. Но не ходите вы по городу с голыми торсами!!! Среди вас так мало атлетов...

Самая страшная и бездонная тоска — по ушедшему человеку. Ушедшему не из твоей жизни. Это больнее, но переживаемо. Из своей.

Ни разу не слышала, чтоб мой лифт разговаривал человеческим голосом. А тут его, видеть, модернизировали. Без предупреждения. Лучше бы обшивку поменяли... Еду я. Лифт останавливается. И вдруг загробным голосом произносит: «Первый этаж!» И двери открываются. Меня чуть не парализовало. Я вышла, пришибленная такая, на ватных ногах. Оказалось, что совсем не первый этаж, а вовсе даже четвёртый. Секунду поколебалась, испуганно покосившись на кабину. Но зашла. Я смелая. Поехала. Он опять останавливается и говорит: «Первый этаж!» И на этот раз не соврал.

Про кредиты историю рассказали, понравилась. Семья: мама, папа, дочка. Две собаки, но речь не о них. Дочери пришла пора в институт поступать. Денег нет. Мама с папой берут кредит. А девица взяла и на бюджетный поступила. Ничто не предвещало. Мама с папой, жившие в гражданском браке, на радостях закатили шикарную свадьбу. Купили новую машину. Живут и радуются. Кредит платят. Дочь учится.

Вот я вроде и не брезглива особенно, и потолстеть не прочь совсем. Но как увижу на упаковке слова «массовая доля жира», так сразу мутит и не хочу я этот творог!

Коллега разговаривает с супругом по телефону. — Ну что, звонил? Да не мне, в больницу звонил? Сказали диагноз?

Нервно перекладывает трубку к другому уху. С надеждой: — Рак?

Опять переносит трубку к другому уху. Разочарованно:

— А, гастрит. Ну, тоже ничего хорошего. Всё, теперь диета. Теперь без солёного, без жирного, без острого и без водки.

И с наслаждением:

— *Без водки!* Что значит — как жить? Я же живу!

— Что-то телефон так быстро стал разряжаться, — бормочу самой себе.

— Потому что тебя прослушивает кагабэ! — говорит четырёхлетнее дитё, оставленное мне на пару часов на сохранность.

Ушам не верю. И холодею этими самыми ушами.

— А кто это??

— Не знаю, — простодушно признаётся дитё,ковыряя фломастером в ялтинской ракушке. — Так бабушка всегда говорит.

Кстати, чем ракушку от фломастера оттереть, никто не знает?

.....

Было это несколько лет назад в одном из отдалённых районов нашего края. В тамошнюю сельскую школу должна была прибыть краевая комиссия. Любая комиссия на любом предприятии нежеланна. По крайней мере, я не видела кого-нибудь, кто бы радостно крикнул: «Ура! К нам едет комиссия!» К приезду комиссии готовятся, всячески камуфлируя недостатки своего заведения и выпячивая достоинства.

Далёкая сельская школа тоже готовилась. Особенно учительница начальных классов — ей предстояло дать открытый урок, а у неё только от слова «комиссия» возникла оторопь, переходящая в пляски святого Витта.

И вот урок. Второклашки работают. Всё гладко. И как будто ничего не предвещает. Дети разгадывают загадки. Учительница задаёт очередную: — Без рук, без ног на бабу — скок!

В классе — ни шевеления. И ни одной руки. Учительницы темнеет в глазах, в голове проносится бегущая строка: «Всё! Опозорились! Перед комиссией! Дети тупые, учитель плохо учит!»

И вдруг — поднятая рука! Спасительная!! Шустро вскакивает с места мальчик, одёргивает пиджачок и выдаёт отгадку: — Ветеран Великой Отечественной!

Ну что дальше... Члены комиссии давятся от беззвучного смеха, а потом дружно отпивают учительницу валерьянкой. Дети в недоумении. Но все выжили.

Отгадка, если кому надо, — коромысло.

.....

У моей мамы две дочери. Одна из них, как ни странно, я. (А это на самом деле очень странно и для меня, и для мамы, и для окружающих.) А вторая — Маня. Вернее, вторая-то как раз я, а Маня на пять лет первее. Что тоже странно, но сейчас не об этом. Родню я навещаю редко. Преступно редко. Но вот на Пасху сподобилась. Даже переночевала. Разговор утром.

Мама:
— Всю ночь не спала, всё болит, всё болит!

Маня:
— Каво??? Это я не спала! Ты только легла — и пых-пых!

Мама:
— Кто пых-пых?? Я? Да я всю ночь глаз не сомкнула!

Маня:
— Ну канешна, рассказывай! Это я не спала!

Мама (обиженно):
— Вот когда тебе будет столько лет, как мне, узнаешь, как не спать!

Я, молча и глубокомысленно поедая завтрак, так и не поняла, под чей двойной храп я до половины шестого утра читала Андерсена. Загадка, однако.

.....

Дурачились с друзьями, подумали: вот если б у нас было не отчество, а матчество? Я была бы Людмиловна. Кто-то — Галиновна, кто-то — Иринович. И только моя подруга, у которой всё как-то очень реально в жизни складывается, и тут выпендрилась: она была бы Александровна. Вот никакого абсурда у некоторых в жизни нет...

.....

Дал мне один товарищ визитку. Читаю: «Такой-то. Поэт, писатель, литературный критик, член союза такого-то, председатель того-то...» и ещё три строки. Думаю: как же советская власть и электрификация всей страны помогли раскрыться и расцвести человеческой личности! У Владимира Ивановича Даля на визитке под фамилией было написано одно слово: «Литератор». Бедный...

.....

В трамвай зашёл контроль. Я уж и не помню, когда в транспорте билеты проверяли. С трудом отыскала свой, скрученный в нервную трубочку.

Контролёры разговорились с кондуктором.
— Нет, если с пятитысячной заходит — смело выгоняйте. Это не средство оплаты трамвая.

— Он же может с этой пятитысячной каждый день ездить? Знает, что сдачи нет. Особенно с утра.

— Конечно! А вот с тысячей — нет. С тысячей мы выгонять права не имеем.

Вот, знаете, добрые люди, чьи карманы с утра набиты пятитысячными. Трамвай не для вас.

.....

Когда моя кошка, далее именуемая как «наглая серая британская морда» ложится мне на грудь, я ничего не имею против (если без когтейства). Тем более она недолго, немножко полежит — да просто, чтобы показать, кто в доме хозяин и кому можно лежать везде. Ничего против не имею, а всё же выдыхаю:

— Тяжело...
Мой остроумный, но не очень культурный приятель на это говорит:

— Если ты будешь столько спать и есть, тебе скоро и воробей будет тяжело. Особенно, если он какнет.

Я зачем-то говорю:
— Какают обычно голуби.

— Ну! Голуби! Голуби — только на Пушкина!
Да, я не Пушкин. Я другой.

.....

Звонок:

— Тая! Читаю тебя в сетях, ты в Хакасии? И я тут по делам. Может, увидимся? Лет двадцать не виделись! Только в «Фейсбуке»!

— Давай, Слава, увидимся, я здесь.

— Ты где ночуешь?

— Гостевой дом «Бурундук».

— А, знаю, я там бывал. Приеду вечером, хорошо?

— Хорошо.

Не верю ни одному слову, ибо помню Славу.

Разъезжаю по экскурсиям, в обед звонок:

— Тая, я к вечеру освобожусь. Где ты ночуешь в «Бобрах»?

— Гостевой дом «Бурундук».

— А, знаю, я там бывал.

И такой деловой голос. Звонок в одиннадцать вечера:

— Тая, ты ещё в «Барсуках»?

— Слава. Гостевой дом «Бурундук»!

— А, знаю, я там бывал!

Да нигде ты не бывал. Так и не приехал. Все пустозвоны этого мира—мои. Но я, конечно, на всякий случай не гасила фонарь над дверью.

Что-то нынче столько беременных. Сбегала до магазина, за десять минут встретила шестерых будущих мамочек. А мужиков беременных ещё больше!

Навидумывают в рекламах разного... «Смыть макияж без эффекта панды». Раньше плохо умоешься—подруга скажет: «Не могла нормально умыться? Выглядишь, как бичовка». А теперь вот накося—надо говорить: «Ты умылась с эффектом панды!» Культура!

— Сухари панировочные есть?

— Вам какие?

— Панировочные.

— С какой добавкой?

— С никакой.

— Нет, ну вот смотрите: с кунжутом, со специями, для курицы, для рыбы. Вам какие?

— Просто сухари. Панировочные. Без ничего больше.

— Ой, ну такого нет...

Редкость, однако. Дефицит. Пойду сама сделаю. В кофемолке...

— Тая, ой, ты сегодня в этой кофточке, она мне так нравится!

Это говорит мне наша замечательная гардеробщица.

— Так нравится, что я точно такую же заказала, мне свяжут, я уже и пряжу купила! Точно такая же

будет, тоже на одной пуговичке, только с воротничком! И подлиннее будет, чтоб попу закрывала. И рукавички не вот так, а вот так и вот так тут... И зелёная будет, а не коричневая. А так—ну точно такая же!

Вот откуда это во мне? Иду по улице, во дворе стоит парень у машины.

— Девушка, картошка не нужна? Хорошая картошка!

— Ой, спасибочки, у меня есть! Папа привёз!

Он помахал мне рукой в толстой вязаной перчатке, а я шла и думала: «Откуда это во мне? Это мимолетное враньё и эта редкая очаровательная улыбка? Откуда, Зигмунд??» Папы уж тринадцать лет нет. И он никогда и никуда не привозил мне картошку.

Умер Фидель Кастро. Для меня он с детства был нарицательным. Когда была маленькая, путала слова «Фидель» и «фитиль». Говорила, сходя в кино: «Перед фильмом „Фидель“ показывали».

Мультфильм «Маугли» гениален. Люблю с детства. Но с детства же почему-то каждый раз думаю: где Маугли в джунглях брал беленькие трусики?..

Мальчик-сосед. Мальчик уже подросток, но его мама этого не замечает. Он выходит из квартиры, мама напутствует на всю лестничную клетку:

— Осторожнее во дворе! Там полно собачьих кашек!

— Собачьи—это не страшно,—бурчит мальчик.

Какой умный ребёнок!

Для меня один из самых лёгких способов довести себя до полубешенства—намазать руки кремом, а потом пытаться открыть лак для ногтей. И ведь это же регулярно происходит!!! Девочки, вы меня понимаете?

Просыпаться и особенно—о ужас!—вставать до полудня для «совушек»... это стресс. И не надо мне говорить про режим и самодисциплину. «Сова»—это «сова», не надо её ломать. Ранний подъём—это стресс в любое время года и в любом часовом поясе. Это КАМАЗ. Он давит меня сорок с лишним лет каждое утро. Каждое утро я вспоминаю «Солярис» Тарковского. И так же, как его героиня, перехожу из одного состояния в другое, обдирая кожу о ломающуюся жёсть обшивки какого-то портала в другой мир...

Но давайте о весёлом. На работу я собираюсь на автопилоте. Как там у Маршака? «Вместо валенок перчатки натянул себе на пятки». Это уранда!! Вы приходили на работу с перчатками на голове? Нет? Я научу. Это просто. Приходишь с работы домой, снимаешь пуховик, а перчатки кладёшь в капюшон. Ну и забываешь, не про перчатки же думать... Утром, как я уже и говорила, на автопилоте, почти ничего и не видя, надеваешь пуховик. Накидываешь капюшон. Сонными глазами ищешь вокруг: где перчатки? Нету. Да и ладно. Берёшь варежки. Добираешься до работы—вроде даже и просыпаешься. Раздеваешься. А на башке—перчатки. Самое приятное—над тобой никто не ржёт, потому что вокруг—сплошь интеллигентные люди.

Беседую с дамой. Она рассказывает про какого-то мужчину. О чём ещё рассказывать, не о фасоле же? Почти не слушаю, но делаю заинтересованность. И вдруг выхватываю фразу:

— Он надругался над моими письмами!

Думаю: что это за извращение такое?.. Спрашиваю:

— Это как?

— Ну вот так! Ругал их!

Хм... какой мужчина вежливый—не даму ругал, а только её идиотские письма. Хороший мужчина. Редкий.

Я чертовски талантливая. Талантов у меня много, среди них есть очень редкие. К примеру, я очень талантливо выбираю. В магазинах. Что угодно. Из нескольких экземпляров или даже из кучи мои ручки безошибочно вытащат надорванное, отбитое, отколотое, неликвидное, некомплектное. Если не посмотрю внимательно (а почти никогда и не смотрю), куплю мятую помидорку, битое яблочко, подгнившую луковицу... Даже подпорченный лимон смогла приобрести. Вот он меня доконал. Ну надо же талант как-то применять. Говорят, зарывать его в землю—это грех. Таки, может, мне на овощную базу пойти? Сортировщиком. Мне кажется, я буду лучшей. Мне каждый месяц будут вручать по почётной грамоте. А каждый квартал—даже по две. Если, конечно, такие базы ещё остались...

Четырнадцатый этаж. Иной раз лифта ждётся дольше, чем такси.

Когда в детстве прочитала «Нахалёнка» Шолохова, впала в долгие раздумья от фразы: «У тебя из ушей воняет дюже». Всё думала: зачем он ему уши

нюхал?.. Хотела у мамы спросить, да постеснялась, настолько это неприличным казалось.

Одно из самых незабываемых ощущений—неожиданно со всей дури наступить босой ногой на штепсель. Вой раздался по округе! А ведь вокруг—не Дартмурские торфяные болота. Простите, соседи.

Кассирша спрашивает у женщины, стоящей передо мной:

— Пенсионное есть?

Стоит июль 2018-го. Спросила бы у меня! Я бы как заорала: «Нет! И долго не будет!!!»

Плюс тридцать в тени. Из холодного крана идёт горячая. В магазине мелкий пацан покупает воду.

— А ты чего в перчатках?

— Потому что я влетал!

Боже, они ещё мяч пинать могут в таком пекле...

На калитке дома моей бабушки был почтовый ящик. Со стороны двора. А со стороны улицы просто в калитке была щель, куда почту опускали. Много-много лет в ящике синица выводила птенцов. Все почтальоны знали: там гнездо, газеты не закидывать, вручали лично. Мы, детьми будучи, заглядывали в ящик: сначала там яички, потом птенчики пищат.

Синица видела, что мы любопытствуем, но не боялась. И что калитку открывают-закрывают и ящик вместе с ней катается туда-сюда, её не смущало.

Бабушки не стало в сентябре, и следующей весной синица не прилетела. Почему? Гнездо так и было в ящике, одинокое, разломаченное. А через год синица вернулась! И вывела птенчиков.

А потом я уехала из города, всё бросив, домик пришёл в запустение. Теперь там другие хозяева, и, конечно, старую калитку они не сохраняют. Рухлядь.

Калитка переехала жить в мою память. Вместе с ящиком, гнездом, синицей и птенцами.

Еду в такси. Подсаживаем пассажира с моего позволения. Мужчина. Только сел—рвётся телефон. Читает сообщение. Растерянно поднимает глаза, оглядывает меня.

— Девушка! Вот у вас же ногти!

— Да. Это странно? Должны быть когти?

— Я не о том. Вот тут мне невеста написала: купи жидкость для снятия лака, мне на три ногтя не хватило! Это что такое? Где это покупать?

— Вам сколько лет?

— Сорок восемь.

Сорок восемь. Полжизни прошло мимо. Он уже никуда не успеет.

— Спросите у мамы.

— О! Точно! Мама-то знает, сейчас позвоню.

Сорок восемь. Нет, не полжизни. Вся жизнь прошла мимо.

.....
Немного литературного спора с литературным подростком. И я поняла свою бесполезность. При всей любви.

— Ну что, молодой человек, вы не дебил. Но у вас есть все шансы им стать.

— Таня! Вот ты сейчас сказала, будто от старшего поколения младшему обращение...

— А разве не так?

— Точно. Ты же старше!

Ну да... Кошки, общаясь со мной, принимают меня за кошку. Когда я общаюсь с собаками, я очень ясно вижу: они считают меня такой же собакой. Дети думают, что я тоже дитё. Подростки — что я ровесник им. Вот повезло с умом и талантом родиться хамелеоном.

.....
К Деду Морозу я всегда относилась как к доброму театральному персонажу. И больше никак. Никогда не писала ему писем. Мало того, я не помню, чтобы кто-нибудь из моих друзей всерьёз говорил о Деде. Не знаю почему. Мы, дети семидесятых, верили в инопланетян, в Робин Гуда и в Оле Лукойе. А в Деда Мороза — речи никогда о нём не было.

Как-то на занятиях радиокружка мы с подругой Юлей остались вдвоём в студии — то ли рано пришли, не помню, но надо было чего-то подождать. Нам было по девять лет. Мы достали из портфелей тетради, учебники, сделали домашнюю работу, проверили друг у друга. Но времени ещё было много. От нечего делать мы заглянули в большой пакет, он стоял в углу студии, обычно чистой, как операционная, ничего лишнего, а тут вдруг — пакет. Там были костюмы. Мы их надели и пошли на улицу. Длинная, худющая Снегурочка в жёлто-золотом и маленький Дедушка Мороз в красном. Удивительно, но нас никто не остановил. Ни на проходной узла связи, ни на улице. Вокруг были люди, для которых Дед Мороз — не реальность. Мы немного пошлялись по окрестностям и вернулись. Кажется, нас никто и не заметил. Почему? Да потому что Деда Мороза не существует. Как заметить то, чего нет? А нам, двум девочкам с уже выполненным домашним заданием, было весело. А месяц стоял март.

.....
Было мне что-то около шестнадцати лет, и летом я отдыхала почему-то в Волгограде. Хороший город. Ребята свозили меня на волшебный пляж, где песок — как манка. Белый-белый и чистый-чистый.

Ехали на катере долго. Купались, загорали, ели сливы и груши. Ночевать отправились на чью-то дачу. Там не было электричества, но оно и не требовалось. Все устали и хотели спать. Быстро разлеглись по спальным местам: парни — в одной комнате, девчонки — в другой. Переговаривались, обсуждали минувший день — солнечный, жаркий, яркий. Один из парней, Лёша, пожалел, что так рано стемнело. Здесь, на даче, полно ёжиков, они такие потешные. Тут я некстати подала голос и сказала, что ёжиков сроду не видела. Только на картинках и в мультиках. С Лёши мгновенно слетел сон: как так, гостя ёжиков не видела никогда! Он встал, оделся, взял фонарик и, стукнув дверь, ушёл в душную темень, пахнущую спелыми фруктами. Все тут же забыли про него и уснули.

Я не спала. В тёмной духоте ныл комар.

Под распахнутым окном послышалась возня, и Лёшин голос сказал из темноты:

— Таня! Я тебе ёжика поймал! Такой здоровый! Иди смотри! Только крапива тут.

— Лёша. Какая крапива? Я уже сплю.

— Да? Ну ладно, я его в ведро посажу, утром посмотришь.

Лёша вернулся в дом, рухнул на диван и почти сразу захрапел.

Я не спала. Не спал и ёжик в ведре. Скоро проснулись все. Кроме Лёши. Все интересовались: а что это за адский скрежет доносится с улицы? Ёжик зверел в заточении. Скрежет крепчал.

Один из парней встал, вышел, в сердцах со всей злости пнул ведро. Было слышно, как эта ракета с космонавтом на борту пролетела мимо окон и упала в траву.

Утром Лёша сокрушался:

— Вот надо же, а! Какой здоровый ёжик был! Ведро опрокинул и протащил даже!

Все тихонько посмеивались. Но про ночной пенальти Лёше никто не рассказал. И он время от времени по дороге в город всё вспоминал и восхищённо приговаривал: «Вот ведь! Здоровенный-то какой был! Ведро опрокинул!»

.....
— И откуда ты только всё это знаешь?

— Откуда мне знать, откуда я это знаю? Просто знаю. Хотя лучше бы я этого не знала...

.....
Ночной ресторан — это прекрасно. Особенно когда устаёшь от компании.

— Чё тут, чеснок в салате? Охренели? Мне на работе завтра в восемь утра надо быть! На людей вонять буду? Коньяку налей ещё. Полную. Давай-й-й-йте чок-кне-е-емся.

Я уже. Чокнулась, беру такси.

По улицам идут нарядные дети. Малыш гномьего росточка несёт большой синий воздушный шар. Мама говорит:

— Потому что сегодня праздник, а завтра уже без шара в школу пойдёшь.

— Ой, а завтра я опять, что ли, в школу пойду?

...Бедный ребёнок. Он даже не подозревает, что его ждёт.

.....

Самое пугливое существо— счастье. О нём даже шёпотом нельзя, сразу убегает.

.....

Просто разговоры.

— Ребёнка ждём, пока не знаем, но очень надеемся, что мальчик.

— Дай Бог. Девочка, значит, уже есть?

— Три! У меня три девки. Но мне ж наследник нужен!

— Три дочки??? Обалдеть.

— Ну вот да! Теперь наследник будет!!

...Да, я понимаю. Счастливому собственнику двухкомнатной хрущёвки на улице Карбышева, где уже проживают пять человек, обладателю на ладан дышащего «Опеля» совершенно необходим наследник.

— Через год вот один кредит выплачу...

— Юра, не продолжайте. Я рада за вас и вашего наследника.

Ну, у меня-то вообще ничего такого нет, помолчу. Буду молча завидовать.

.....

Думаю, как часто выгляжу полной душой в глазах людей, наверное... Вот мама. Положили её в больницу. Для начала— в местную, но на горизонте— краевая. Если положат. У нас семидесятилетних кладут в больницы неохотно, я заметила. Чего лечиться, если ты не народная артистка, к примеру, а простая Людмила Ивановна? Семьдесят лет! Помирать пора, а не лечиться. Как там милый Дорн у Чехова: «Лечиться?? В шестьдесят лет? Выпейте валерьяновых капель!» А тут— семьдесят...

Короче, положили. Приезжаю к ней— домой, не в больницу. Я редко приезжаю. Мама звонит: — Ты у меня? Что делаешь?

— У тебя. Да у меня лишние красивые банки для сыпучих, привезла, мою их сейчас. Потом пересыплю в них твои крупы, что у тебя в мешочках. — Ой! Доча! Ты в мокрые-то не пересыпай! Пусть высохнут сначала! Банки-то...

Вон оно как надо-то! А я прям в мокрые хотела пересыпать. Причём начинать с муки. Гречка-то, допустим, не так красиво в мокрой банке будет смотреться...

Чуть позже уже я звоню:

— Мам. Что у тебя тут в морозилке? Грудка куриная?

— Ага.

— Ну я тебе сейчас бульончик сварю. В четыре приду в больницу.

— Ой, доча! Ты её помой сначала!

— Кого??

— Грудку!

...Вон оно как надо-то!!! А я прям так, замороженную, в кастрюлю хотела бросить!! И прям в целлофановом пакете... Хорошо, хоть отличаю кастрюлю от сковородки...

Мам, мама, мама. Мне скоро пятьдесят лет. Тридцать с лишним я живу от тебя отдельно. А для тебя я так и осталась шестнадцатилетним дитём...

.....

Забегала к подруге: старый Новый год, давно не виделась, всё по телефону, а повстречаться... совсем давно... всё такое.

— Щас Олег из гаража придёт.

Как-то так случилось, что в моей жизни гаража не было. И для меня фраза «муж придёт из гаража» очень шаблонна. Ну чего там— муж приходит из гаража «в спецовочке такой промасленной»...

Олег пришёл из гаража в немыслимо белой дублёнке, шагнул в гостиную, дыша морозом, вручил мне ананас, сказал:

— Танюш, как я люблю, когда ты к нам заходишь!

А то ж. Я у вас семь лет назад была.

Тоже люблю таких гостей.

.....

Проблем-то— ребёнка спать уложить. Никаких.

— Всё, спи.

— Тётъ Тань, а ты мне расскажешь что-нибудь?

— Про что?

— Ну, только не про Старого Кирея.

— А кто это??

— Ну Старый Кирей! У которого волосы из глаз растут!

— *Всё!!* Ни слова больше! Спать!

И он спит.

А мне-то что теперь делать?? Старый Кирей! Волосы растут из глаз!! Мама дорогая, страсти какие. Пошла за валерьянкой.

.....

Я не особенно хорошо умею завязывать шнурки. Завязываю, конечно, но медленно. И не люблю это дело. А мама в детстве не научила, ей всё было некогда ждать, пока я там копаюсь, поэтому быстро завязывала мне сама, и мы куда-то неслись. Мама была молода. Молодые, как правило, вечно куда-то спешат. По крайней мере, подавляющее их большинство. Я считаю, что это нормально и правильно. Сегодня, когда я вижу молодого человека степенного и неторопливого, думаю: «Что-то

с ним не так...» Но речь о шнурках. Прекрасный их заменитель, специально для пахоруких,—крючки и липучки. Такую обувь я и стараюсь приобретать. Но совсем исключить шнурки из жизни всё же не получается. И вот когда я утром надеваю ботинки (разумеется, уже опаздывая), из комнаты выходит наглая серая британская морда, садится возле меня и смотрит, как я шнуруюсь. Спокойно так смотрит. И когда видит, что дело идёт к завершению, встаёт и с достоинством идёт в туалет. Э-э-эх! Я расшнуровываюсь и иду следом мыть за ней лоток. Потом, само собой, опять зашнуровываюсь. Но серая морда уже не смотрит, она удаляется на балкон, у неё там дела. Наблюдать за стройкой, например. И так каждое утро. Скажите, у меня могут быть крепкие нервы? И могу ли я любить шнурки?

.....

Я коротко. Талант—это абсолют. Это то, чем наградил Господь. Этому нельзя научиться. Сидит человек в кресле, активный такой: бумаги, книги, сайты. Кипучая деятельность. А потом: «Тань, я спать». И через пять минут—не вру!—спит. И очень качественно. Вот это—талант. А не то, что мните вы...

.....

Как-то у меня украли телефон. Но милиция его нашла и вернула. Разумеется, всю мою информацию воришка из телефона удалил. Зато теперь в контактах у меня есть Голодайка, Нарк, Настя, Саба, Хулиган, Межголактический чорт и Чмо. Даже не знаю, кому первому позвонить.

.....

Моя знакомая давно подозревала мужа в неверности. И вот нашла в диване дамские золотые часики. Не знаю, как бы я поступила. Совсем не знаю. А Светка надела их и носит. Муж видит и молчит. И Светка молчит. Отношениям-то, похоже, конец. И Светка, похоже, останется без мужа и при часах. Решение, конечно, очень оригинальное. Я бы не додумалась до такого точно.

.....

Тётушки беседуют у магазина.
—Какая у вас собачка жирненькая! Или она беременная?
—Это мальчик.
—Мальчик? Прекрасное имя! У Раневской так же собаку звали. Так она беременная?

.....

У кого-то из соседей с нижних этажей есть чёрная собака. Обычная смешная дворняга. Каждый раз, когда я выхожу из дома, она обязательно гуляет. И обязательно бежит ко мне, чтобы меня обгавкать. Она лает на меня самозабвенно, отчаянно-звонко, она частит так, что ни одна базарная торговка

не сравнится с ней в технике произношения слов в секунду.

Я обязательно останавливаюсь и обязательно говорю:

—Ну что ты опять разоралась?

После этой ежедневной фразы с ней случается натуральная истерика. Она берёт на две октавы выше. И заливается художественным лаем. При этом в глазах нет никакой злости. Она просто балдеет от своего голоса. Как Тамрико Михайловна Гвердцители

Я иду дальше, потому что мы уже поговорили. Я всё сказала, а её не переслушаешь.

Я выхожу из магазина через три минуты. Собака на месте. Но теперь она на меня не то что не лает—она меня в упор не видит.

Потому что я—отработанный материал.

.....

«В Красноярске минус ноль градусов!»—твёрдо сказала мне радио.

—Господи, когда же тепло-то придёт?—проворчала я, выходя из машины.

И надела капюшон.

.....

Собрались компанией. Один парень—некурящий балагур, весельчак, лет так под пятьдесят, много говорил, шутил, и в речи всё проскакивало: «А вот мы с женой... А вот жена моя говорит... А вот жена моя...»

Мужики пошли курить, я замешкалась в прихожей—сигареты в сумочке искала. Слышу:
—Вить, а этого Юру ты привёл? Он что, недавно женился?

—Да ну, я у них на серебряной свадьбе был год назад.

—А чего он всё про жену талдычит?

—Ну любит просто!

Мужики загибли.

.....

На некоторых дамах шляпки смотрятся как нелепый багажник на машинах...

.....

С тихим восторгом прочитала на сайте одной школы, что у них существует кружок рисования «Мазочек». Поделилась со знакомой учительницей, она говорит:

—Подумаешь! Мне однажды в одной из школ встретилось в расписании внеурочки: «Пес.дел». Я прочитала вслух, засмушалась. Озадачилась, переспросила. Оказалось, это «песочное дело»—когда на стекле из песка картины делают.

.....

В магазине: хлеб, сыр, молоко.

Кассирша:

— Пакет нужен?

— Нет, спасибо, у меня есть маленькая дамская сумочка.

Кассирша, не глядя:

— Ведёрная?

Дамы понимают друг друга. Дамы знают, как выглядит настоящая дамская сумочка.

.....

Никогда не говорите ребёнку: «Ты не поймёшь». Он побольше вашего понимает. Взрослые, шутите с детьми! Это им необходимо. У детей прекрасное чувство юмора. Учителя, обязательно находите на уроках место шутке. С нами, школьниками, не шутили. И мы выросли унылым поколением.

.....

Была у меня знакомая учительница. Физику вроде вела, не помню. Она первого сентября большое внимание уделяла букетам. Чётко следила, кто какой ей дарит. Не знаю зачем. Может быть, от этого потом зависела успеваемость ребёнка по физике в течение учебного года... Утверждать не берусь. Просто помню вот это: «Так, Семёнова, богатый букет, молодец... А Смирнов, представьте, три астры! А Фиськов, мало крови нам выпил, вообще ничего не принёс!! Кровопийца, хоть бы топинамбур с грядки сорвал! Пришёл в школу! И хоть бы топинамбур!!»

Так что, родители, кто на цветах решил сэкономить, про топинамбур-то помните!

.....

Едем с подругой в машине. Я задумалась, трасса, вечер, зелень, красота... И вдруг она меня спрашивает:

— Танька, ты о чём думаешь? О будущем или о прошлом?

И я понимаю: неужели я перестала мечтать?? Я думаю о прошлом. Того прошлого-то и было ни о чём, зачем же я о нём думаю?... Я не уверена в будущем и никаких планов, видимо, не строю.

«Я зарастаю памятью, как лесом зарастает пустошь...»

.....

В детстве, до школы, я чаще жила у бабушки, чем с мамой и папой. Родители жили в городе, а бабушка с дедом — в пригороде, в собственном доме. Рядом. Может, поэтому я не помню, чтобы как-то особенно скучала.

Я помню: зима, ранняя темень. На улице — бур. А в доме светло и тепло. Бабушка на кухне,

дед у печки подшивает валенки. Не помню, чтобы когда-нибудь эти люди просто так сидели, чтобы руки не были заняты. Даже если у телевизора (фигурное катание! Роднина-Зайцев!), всё равно одновременно — или вязание, или перебирание каких-то семян, ещё что-нибудь. Поражаюсь сегодня бабушкам, часами — часами! — сидящим на лавках...

Потрескивает печка, я прибираюсь в собственной тумбочке (дед сам сделал), кубики там ровно складываю, пытаюсь впихнуть пластмассовую розовую собаку в образовавшуюся пустоту в углу между кубиками и стенкой тумбочки. Она не входит. Только боком. А боком — некрасиво... Иногда смотрю в окно. В окне темно, бешено носится снег под фонарём. И вдруг в пустом заснеженном переулке — резкий свет фар, снег бросает фонарь и носится уже перед фарами. И машина останавливается у калитки. Хлопанье дверей, ещё дверей, ещё, и — на пороге в морозном облаке — мама!

— Только на минутку, служебная машина, по пути, послезавтра ждали, да раздевайся же, чай, по пути, минутка...

Тёмный переулок, снег бесится под фонарём, а у меня коробка новеньких цветных карандашей и несколько новых же ярких книжек. Холодные... Одна из книг — «Бородино».

А летом. Летом просыпаешься, потому что в глаза попало солнце. Сон отлетает, постепенно входят в тебя утренние тихонькие звуки. Что-то шкворчит за побеленной стеной в кухне на плите, позвякивает ложечка в стакане, приглушённое радио поёт: «Мой адрес — не дом и не улица». Выбираешься из кровати и шлёпаешь к людям, которые ждут твоего пробуждения. А бабушка уже налил в умывальник (называли «рукомойник») тёплой воды и улыбается:

— Как в благоустроенной! Иди умывайся!

А потом — за порог, босыми ногами на чистые, уже нагретые солнцем гладкие доски крыльца. Небо синее-синее, листва зелёная-зелёная, всё яркое-яркое, жмуришься, улыбается тебе от своей будки собака Пушок. А впереди — долгая-долгая, непременно счастливая и необыкновенная жизнь... И это — без вариантов.

.....

Знаменитых людей в интервью часто спрашивают: «А что бы вы изменили, если б ещё одна жизнь?» И практически все отвечают с пламенными очами: «Ничего! Я бы прожил точно так же!» Что за дураки, думаю... проживать ещё одну такую же — пусть и самую распрекрасную — жизнь, когда есть такая возможность... Я бы изменила *всё-всё-всё!*